

Часть 1

Господин мой Окунинуси, о Ятихоко-но-микото-но-ками. Мужем пребываете вы в сем миру и, несомненно, обретете столько жен, что привечать вас будут на каждом мысу, на каждом берегу. Но мне уготована судьба женщины, и посему нет для меня мужчин кроме вас, нет других мужей...

(из "Записок о деяниях древности")

Началась вторая декада марта. На сакурах по дороге к святилищу Хэйан[□]Один из крупнейших, если не самый крупный синтоистский храм на территории Киото. уже набухали бутоны, а дни стали заметно теплее. Тем не менее, стоило солнцу зайти, как на улицы Киото возвращался зимний, пробирающий до костей холод, напоминавший, что одно время года еще не вполне сменилось другим.

В один из таких дней Ёсихико посетил вечеринку по случаю увольнению коллеги по работе. Нельзя сказать, чтобы он так уж сильно дружил с коллегами, среди которых встречались как подростки, так и люди, которым уже перевалило за шестьдесят, но Ёсихико не считал их чужими. Они непринужденно побеседовали в баре и, наконец, разъехались на последних поездах.

Ёсихико уехал на метро, пересел на наземный поезд, доехал до ближайшей к дому станции и трусой направился домой, сражаясь с полуночным морозом. Какое-то время продолжавшиеся усилия его матери по сбору и отсылке купонов от сосисок наконец-то дали плоды, и вся их семья, за исключением Ёсихико, отправилась в трехдневную поездку к онсену. Поездка планировалась заранее, и Ёсихико не взяли с собой как раз потому, что он не мог пропустить сегодняшнюю встречу с коллегами.

— Небось, едят вкуснятину всякую...

Разумеется, Ёсихико уже вышел из возраста, в котором мог бы обидеться на то, что его не взяли с собой, и даже сохранил невозмутимый вид, когда прощался с семьей, но все равно ощутил легкую горечь, услышав: "Ты остаешься за старшего". Ёсихико надеялся, что ему хоть что-нибудь привезут в подарок.

Вздвигнув от порыва холодного ветра, Ёсихико завернул за очередной угол и мысленно пожаловался на то, что морозы никак не хотят отступать. Если погода в ближайшее же время не соизволит потеплеть, беготня с божественными заказами станет совсем невыносимой.

— Ах, да...

К слову, о заказах: когда Ёсихико уже собирался выдвинуться на вечеринку, в молитвеннике вдруг появилось новое нечитаемое имя. К сожалению, пушистый поисковик на тот момент пребывал на встрече с одним из местных богов, так что Ёсихико решил отложить вопрос на потом.

— Сейчас дойду и разберусь, что это за фрукт.

Ёсихико выдохнул, и белое облачко пара растворилось в мартовской прохладе. Прошла половина месяца после случая с Накисавамэ-но-ками, и Ёсихико уже начал гадать, какой заказ подвернется следующим. Также он тихонько молился о том, чтобы боги, связанные с водой, больше не тревожили его хотя бы до лета. Однако мысли Ёсихико оборвались. Узрев открывшуюся впереди картину, парень нахмурился и остановился.

— Хм?

Он встал неподалеку от мусорохранилища[]Сарай, будка или ящик из каркаса и сетки-рабицы, куда жильцы складывают мешки для мусора для последующего вывоза., которое относилось в числе прочих и к дому Ёсихико. На завтра вывоз отходов не планировался, так что мешков для мусора не наблюдалось. Зато за сетку, защищавшую мусор от ворон, цеплялась женщина.

— ...Что за?

Вернее, не совсем цеплялась. Женщина лежала под сеткой, и Ёсихико видел лишь торчавшие наружу ноги в красных туфлях на высоком каблуке.

Сон? Наваждение? Ёсихико протер глаза, подумал, что случилась какая-то неприятная история и, подозревая худшее, осторожно приблизился к женщине. Пока что он не знал даже, жива ли она.

— А-а... прошу прощения?

Подойдя поближе, Ёсихико при свете уличного фонаря смог разобрать, что на вид женщине тридцать с чем-то лет. Он увидел ее блестящие, немного вьющиеся волосы и ярко накрашенное лицо с тщательно подведенными глазами. Одевание дамы составляли костюм из твидового пиджака и облегающая мини-юбка. Больше, кроме вышеупомянутых туфель, на ней ничего не было, и ее стройные, красивые ноги наверняка сильно мерзли в такую погоду. Ёсихико заметил, что одежда выглядит нетронутой, и услышал мерное посапывание, после чего сделал

вывод, что женщина всего-навсего спит.

— Но разит от нее, конечно...

Подойдя, он ощутил сильный запах алкоголя, и невольно поморщился. По всей видимости, разгадка дела крылась в том, что женщина сильно напилась и уснула на улице. А поскольку поблизости парень не видел ни пальто, ни сумки, ни каких-либо других вещей, опьянела она очень и очень сильно.

— Вы в порядке?

Естественно, Ёсихико не смог пройти мимо и обратился к ней. Сначала он подумал, что наткнулся на работницу какого-нибудь увеселительного учреждения, но после сообразил, что те к такому часу едва ли успевают упиться до такого состояния. Кроме того, спавшая под сеткой женщина не особо походила на работницу этой отрасли. Можно даже сказать, она напоминала скорее молодую жену обитателя какого-нибудь фешенебельного квартала. Или, во всяком случае, совсем не такую женщину, которая ночевала бы у мусорохранилища рядом с домом Ёсихико.

— Вы так простудитесь.

Более того, погода все еще угрожала смертью от переохлаждения тем, кто решился бы заночевать под открытым небом без верхней одежды, не говоря уже о том, что потерявшей сознание женщине на улице угрожают и другие опасности. Поскольку та никак не отвечала на голос, Ёсихико открыл сетку и потряс женщину за плечо. Та в ответ протянула нечто невнятное и заворчалась. Вдруг ее лицо исказилось, и она закричала таким громким голосом, что у Ёсихико дух перехватило:

— Я больше... не могу-у-у!

В окрестных домах начали загораться окна.

— За что-о-о-о?!

— П-пожалуйста, успокойтесь!

Увещевания не помогли. Все еще лежавшая на асфальте женщина протянула руки и схватила Ёсихико за ворот.

— Что, хочешь сказать, что понимаешь меня?! — прокричала женщина.

Ёсихико тут же зажал ей рот ладонью и огляделся по сторонам. Любой прохожий решил бы,

что парень с этой женщиной вместе. Если жители окрестных домов начали бы жаловаться на шум, пришлось бы долго и упорно извиняться.

— П-простите, но где вы живете?

Не придумав ничего другого, Ёсихико взял даму за плечи и усадил на землю. Если бы она продолжила тут спяну голосить, жильцы наверняка вызвали бы полицию. — Живу-у?

— Да, живете. Где ваш дом? — уточнил Ёсихико, понимая, что по возможности стоит просто проводить ее до дома. Во всяком случае, это решение обещало меньше всего шума.

— Дом... — женщина не смогла собраться с силами и запрокинула голову. — ...Нет у меня дома.

— А? — недоуменно переспросил Ёсихико.

В то, что она бездомная, верилось с трудом. Тогда женщина вновь закричала, не сдерживая гнева:

— Возвращаться я не хочу-у-у-у!

— Ёсихико! Сейчас же вставай!

Утро субботы для Ёсихико началось с настойчивых ударов лапой по лицу. Открыв глаза, он увидел прямо перед собой морду Когане и кое-как сфокусировал на ней взгляд.

— А-а... вернулся уже?..

Как подсказала память Ёсихико, вчера ночью он не застал Когане дома и лег спать, не дожидаясь лиса.

— Я вчера поздно пришел, дай поспать...

Ёсихико проверил время по смартфону рядом с подушкой. Десять утра. Свободный человек имеет право поваляться в кровати, и Ёсихико хотел, чтобы и Когане это признал.

— Будешь ленивцем валяться, в ленивца и превратишься. Но мне, конечно, все равно.

Когане сел рядом и окинул валявшегося Ёсихико взглядом. Тот тем временем подумал, что стол за головой стоит как-то странно. Если он лежал на кровати, то почему видел ножки стола, да еще и так близко? Затем Ёсихико обратил внимание, что под спиной у него что-то твердое. Неужто он посреди ночи свалился с кровати?

Впрочем, следующий вопрос Когане раздался еще до того, как Ёсихико успел переварить происходящее:

— Лучше скажи, что это за женщина?

Когане повел мордой, Ёсихико перевел взгляд и пробудился так резко, словно на него вылили ведро холодной воды.

— А-а!

Он резко вскочил, мгновенно все вспомнил и схватился за голову. Точно, вчера поздним вечером он подобрал на улице пьяную женщину, а когда та завывала о том, что не хочет возвращаться домой, за неимением других вариантов привел ее к себе.

— Неужели ты в моей отсутствие занимался неблагопристойными...

— Нет же! Я вообще поступил благородно! Подобрал пьяницу у мусорки и привел домой, только и всего.

Вчерашняя женщина спала на его кровати. Рядом валялись туфли на высоких каблуках.

— Я бог, Ёсихико. Можешь ли ты поклясться в честности и чистоте перед лицом бога? — спросил Когане, пристально глядя на Ёсихико.

— Да пожалуйста, сколько угодно раз! Что же ты за бог такой, если не веришь своему лакею, с которым живешь?

— Боги — нелогичные создания.

— Какая удобная фразочка!

Пока они спорили, женщина на кровати начала ворочаться, тихо застонала и открыла глаза.

— Д-доброе утро... — неуверенно начал Ёсихико.

Спал он отдельно от нее и, если не считать того, что снял с дамы обувь, пальцем ее не тронул. Однако если Когане начал его подозревать, то же самое могла сделать и женщина. Далеко не факт, что она хорошо помнила события вчерашней ночи.

Женщина сонно взглянула на Ёсихико, не выбираясь из постели, а в следующее мгновение резко вскочила.

— Э... где я?! Кто ты?!

Женщина тут же заглянула под одеяло и убедилась, что ее одежда на месте, затем замотала головой с такой скоростью, что взлохматила волосы. Ее взгляд остановился на столе и стал озадаченным, потом опустился на пол. Женщина нахмурилась и притихла.

— А-а, в-вы помните, что произошло вчера? — осторожно обратился Ёсихико к недоумевающей женщине, решив, что первым делом нужно доказать свою невиновность.

— Э... вчера? — женщина перевела взгляд на Ёсихико, моргнула и начала перечислять, загибая пальцы: — ...Я выпила чаю в Гионе, затем пошла в бар, потом в пивную в Понто-тё, поела рамен в Теньйти...

Ёсихико почувствовал облегчение и в то же время осознал тщетность своих усилий. Возможно, она и сама смогла бы добраться до дома.

— Затем ты подобрал меня на мусорке... вроде так? Не перепутала?

— Насчет Гиона и так далее сказать не могу, но встретились мы и правда у мусорохранилища. Чтобы сохранить доброе имя и вам, и мне замечу, что вы так и норовили уснуть, поэтому я привел вас к себе домой. Ничего другого я не замышлял и, конечно же, не делал.

Ёсихико поднял руки, словно демонстрируя собственную невиновность. Впрочем, если бы кто спросил, действительно ли молодого мужчину не посещали никакие неуместные мысли, он бы слегка замешкался перед тем, как все отрицать.

Женщина озадаченно моргнула, продолжая глядеть на него, и вдруг спросила:

— Слушай, тебя... как зовут?

Тут Ёсихико вспомнил, что еще не успел представиться, сел на одеяле в более приличную позу, поклонился и объявил:

— Хагивара Ёсихико.

На мгновение женщина изумленно вытаращила глаза, но уже следующую секунду в комнате раздался смех такой радостный, что от него сразу стало светлее.

— Вот оно что! Стало быть, ты Ёсихико!

Голос женщины вдруг стал настолько нечеловечески прекрасным, что у Ёсихико отвисла челюсть. Он еще не успел окончательно одолеть сон и не мог переварить происходящее.

— Э? Вы меня знаете?.. — недоуменно спросил Ёсихико.

Женщина удовлетворенно улыбнулась, скинула одеяло и встала с кровати. Теперь Ёсихико заметил, что она выше него, ее роскошные волосы доходят до середины спины, а черты лица чарующе прекрасны. Пожалуй, когда говорят об азиатских красотках, имеют в виду именно таких женщин.

— Спасибо за помощь. Может, мы и встретились случайно, но это все сильно упрощает.

— Упрощает? — коротко отозвался Ёсихико, все так же сидя на одеяле.

Женщина не стала отвечать прямо. Вместо этого она хитро улыбнулась и...

— Прости, что так внезапно, но отныне я живу у тебя, — заявила она, и Ёсихико снова раскрыл от изумления рот. — И для начала схожу-ка в ванную.

— Э, а, секунду!

Ёсихико так и не смог ее остановить. Женщина покинула комнату и, напевая под нос “интересно, где она”, спустилась по лестнице.

— Она не абы кто, — тихо обратился Когане к ошарашенному Ёсихико.

Еще мгновение назад тот думал броситься следом за женщиной, но остановился и обернулся.

— ...В смысле?

— Ты не заметил? Сидя на кровати, она смотрела прямо на меня. Прибавь к этому ее смех, прозвучавший в комнате столь прекрасной музыкой. Она богиня...

— Богиня? Она?!

После слов Когане Ёсихико понял, куда дует ветер, и взял со стола молитвенник. Вчера перед уходом имя бога значилось в нем мутными чернилами. Неужто...

— С... Сус... как это вообще читается?

Потерпев очередное поражение от божьего имени, Ёсихико сдался на милость пушистого поисковика. Когане заглянул в молитвенник и, что с ним случилось нечасто, резко переменялся в лице.

— Ясно... надо же было именно этой химегами[□]Синтоистский термин, обозначающий жен, дочерей и прочих богинь, прочно ассоциирующихся с неким важным богом.... Теперь понятно, откуда в ней столько величия...

— Э? Кто она?

Когане молчал так подозрительно, что Ёсихико почуял неладное. Что за богиня им попалась?

Однако когда Когане уже собрался раскрыть правду, в дверь позвонили. Спускаясь по лестнице, Ёсихико жаловался на то, что неожиданный гость объявился очень некстати, а едва увидев по ту сторону двери непередаваемо ледяной лик, совсем оцепенел. У входа в его дом стояла немного нервная Хонока.

— Х-Хонока?! — растерялся Ёсихико при виде девушки, которая выглядела такой напряженной, словно готовилась кого-то убить.

После случая с Накисавамэ-но-ками они несколько раз пересекались в храме Онуси и на дорогах, но никогда еще Хонока не приходила к Ёсихико домой. Более того, они и адресами-то не обменивались. Наверняка Хонока выведала, где живет Ёсихико, у Котаро, но зачем?

— А-а... — протянула Хонока, сегодня одетая в белое пальто с голубым шарфом на шее, а затем вновь на несколько секунд погрузилась в молчание.

Наконец, она протянула Ёсихико полиэтиленовый пакет, который держала в руках.

— Мне... дали слишком много... Чтобы не отвлекать господина Фудзинами, я...

Внутри пакета обнаружилась картонная коробочка, целиком заполненная спелой клубникой.

— О, клубника! — Ёсихико про себя отметил, что ягоды выглядят очень аппетитными. — Извини, что тебе столько пройти пришлось. Не замерзла?

Расшифровав слова девушки, он пришел к выводу, что кто-то подарил храму очень много клубники, и Хонока отнесла излишки Ёсихико вместо Котаро. Забирая пакет, Ёсихико на мгновение коснулся руки Хоноки и удивился тому, насколько холодной она оказалась. Дороги в их районе шли не самым очевидным образом, и непосвященный мог плутать по ним довольно долго. Возможно, Хонока тоже умудрилась заблудиться.

— Нет...

Хонока потупила взгляд и поспешила спрятать руки за спину. С учетом того, как тяжело ей давалось общение с другими людьми, поход к чужому дому наверняка потребовал от девушки немало мужества. Отсюда и напряженный взгляд, которым она его встретила.

— Могла бы и Котаро послать. Все равно он наверняка собирается потом зайти, чтобы их съесть.

Будучи приятным на поверхности человеком, Котаро уже обзавелся в доме Ёсихико собственной кружкой, палочками для еды и статусом почетного сына. А если учесть мнение матери и сестры о Ёсихико, возможно, что единственного сына.

— ...Прости, — тихо ответила Хонока, и Ёсихико поспешил добавить:

— Нет, я не в этом смысле, не извиняйся! Да и вообще, при чем тут Котаро? Я очень рад, что ты пришла. Спасибо.

Выражение лица Хоноки наконец-то потеплело, и девушка медленно выдохнула.

— Как там Накисавамэ-но-ками, жива-здорова? — поинтересовался Когане, выглянувший из-за ног Ёсихико.

— Да... Я собиралась ей тоже отнести...

В ходе исполнения заказа Накисавамэ-но-ками временно покинула колодец, но уже скоро возвратилась в него, чтобы продолжить свою работу. Хонока с тех пор начала навещать ее еще чаще. Наверняка богиня, не способная выйти наружу, несказанно обрадуется клубнике — символу начала весны.

— И еще... я...

Хонока вновь напряглась и отвела взгляд. Она беззвучно шевелила губами, словно хотела что-то сказать, но не могла выдать из себя ни звука.

— ...Что? — попытался поторопить ее Ёсихико.

Хонока решилась, сжала кулачки и подняла голову.

— Если у тебя есть время...

Но тут слова ее оборвались, а лицо словно сковало льдом.

— Хонока?

Ёсихико недоуменно посмотрел на нее, но вдруг со спины донесся громкий возглас, заставивший его содрогнуться и обернуться:

— Э-эй, где у тебя масла для ванной? Ты же водопроводной водой моешься?

Из раздевалки появилась женщина в одном только банном полотенце. Обнаженные плечи, пышный бюст и длинные ноги идеальной формы приковывали к себе взгляд не терпящей возражений силой.

— Тут ведь не онсен. Если в воду ничего не добавлять, кожа вся высохнет, — назидательно добавила она, а затем недоуменно наклонила голову.

— ...Прости, что помешала, — выговорила Хонока после секундной паузы.

— П-подожди!

Заметив в глазах девушки искру презрения, Ёсихико тут же схватил за руку развернувшуюся Хоноку. Он понимал, что если отпустит ее, то тем самым навлечет на себя излишние подозрения.

— Нет-нет-нет, ты все не так поняла!

Пока Ёсихико пытался объяснить с недоверчиво глядевшей на него Хонокой, со стороны ванной вновь послышался голос:

— Ой, можно я это закину? Эту таблетку из упаковки со слоном?

— А, не-ет! Что угодно, только не это!

Не хватало, чтобы ванная еще раз пропахла ароматом карри.

Ёсихико нажал на заболевшие виски и призвал себя успокоиться. С чего вообще начать

оправдываться перед Хонокой? Он и свои-то мысли в порядок привести не мог и не представлял, с какой стороны подступиться к объяснениям.

— Эта женщина, она... а, то есть она не совсем женщина, и вообще, не то, чтобы человек...

Бросив укоризненный взгляд на путавшегося в словах Ёсихико, Когане перехватил инициативу:

— Несмотря на свою внешность, она химегами, а не человек.

Хонока посмотрела на Когане.

И тогда тот непринужденно объявил:

— Перед тобой дочь Сусаноо-но-микото[□]Сусаноо-но Микото (яп. 素戔嗚尊, «доблестный быстрый ярый бог-муж из Суса») — бог ветра, первоначально был богом бури и водной стихии, затем появилось представление о нем как о божественном предке родов, связанных с Идзумо. В некоторых мифах он выступает богом плодородия, в иных — божеством страны мертвых., повелителя Ясаки, а также жена поселившегося в Идзумо Окунинуси-но-ками. Имя ей Сусерибимэ.

— Я сбежала из дома, — объявила Сусерибимэ, еще не успевшая высушить после ванны волосы, но уже надевшая толстовку, одолженную у Ёсихико.

— Сбежала?! — изумленно переспросил тот.

Ёсихико разрешил ей расположиться на диване в зале, а сам сел на полу перед ней. Поскольку ему удалось доказать Хоноке свою невиновность, она тоже осталась послушать женщину и прямо сейчас озадаченно моргала.

— А что такого? Боги иногда тоже из дома сбегают, — Сусерибимэ закинула ногу на ногу и открыла банку пива, взятую из холодильника.

— ...Но почему? — неуверенно уточнил Ёсихико.

Неужели случилось нечто столь ужасное, что даже богиня решила сбежать из дома? Причем

не абы какая богиня, а жена самого Окунинуси. Даже Ёсихико слышал о величественном храме в Идзумо, освященном в его честь.

— ...Неужели твои чувства к Окунинуси-но-ками все-таки иссякли? — так же неуверенно добавил Когане.

Смочив горло холодным пивом, Сусерибимэ уверенно кивнула.

— Считайте, что да.

Она ответила так ясно, что Ёсихико схватился за голову. А ведь казалось бы, знаменитый храм в Идзумо славился тем, что укреплял отношения влюбленных.

— В-вы поссорились с мужем?.. — еще неувереннее спросил Ёсихико.

Неужели боги во время семейных ссор ведут себя так же, как люди? Сусерибимэ сложила руки на груди и прищурила прекрасные глаза.

— Мы бы прекрасно ладили, если бы не его привычка изменять.

Ёсихико не понял, о чем она, и переспросил:

— Э?.. Привычка... изменять?

Вроде бы они собрались поговорить с богиней, но почему же теперь выслушивали жалобы на жизнь несчастной жены? Ёсихико считал, что ослышался, поскольку не будет же бог говорить об изменах.

Однако Сусерибимэ не обратила внимания на его замешательство и раздраженно поменяла ноги местами.

— Он был неугомонным бабником еще в божественную эпоху и с той поры не исправился. Как только появляется возможность, он тайком от меня заигрывает с другими женщинами... У него пять жен, не считая меня, но ему все равно не хватает.

— ...Кошмар, — не сдержалась даже Хонока, редко выражавшая свои чувства.

Ёсихико прижал пальцы к ноющему виску.

— ...Окунинуси-но-ками — это ведь тот бог, который закладывал страну на пару с Сукунабиконой?

Ёсихико уже доводилось встречаться с богом-затворником и богом-плаксой, но такого он все равно не ожидал. Особенно неуместным казался тот нюанс, что бабником оказался знаменитый бог великого храма Идзумо. Разве можно его после такого называть богом?

— Когда он, сотворив страну, поселился в том дворце, его неверность перешла все границы, — Сусерибимэ расчесала волосы пальцами и нахмурила миловидное личико. — Ты хоть представляешь, сколько раз я заставляла его за изменами? Вчера он отловил какую-то служанку, прибывшую из Сувы, и попросил ее руки. Тут я его с разбегу пнула и решила, что с меня хватит.

Ёсихико тихонько вздохнул и невольно подумал, что такой прекрасной богине не к лицу уметь пинать с разбега.

— Ваши семейные ссоры во всех неприглядных подробностях расписаны в «Записках о деяниях древности», которые составили люди. Вижу, у твоей беды глубокие корни, — пробормотал Когане.

— Э? — Ёсихико удивленно повернулся к лису. — Кто-то выставил на всеобщее обозрение подробности их личной жизни?!

Ему еще не доводилось читать «Записки», и он не представлял, что такое там может быть написано, но уж точно не думал, что среди записей есть описания семейных разладов.

В ответ Когане взглянул на парня зелеными глазами и пояснил:

— Сусерибимэ — главная жена Окунинуси-но-ками, однако «Записки» описывают серенаду, которой он звал замуж Нунакава-химэ, а также сентиментальную песню робкой Сусерибимэ, которой она вновь завоевала его сердце.

— Т-так ведь это все равно, что привести текст признания в любви!

Чем же Сусерибимэ так провинилась, что ее признание читают даже тысячелетие спустя?

— Я тоже не думала, что она войдет в летопись. Видимо, людям нечем было больше заняться, — ответила Сусерибимэ таким тоном, словно и сама немного удивлялась такому исходу.

Несомненно, она предпочла бы, чтобы те события больше не вспоминали. Ёсихико, впрочем, все еще пытался убедить себя в том, что красавица перед ним — настоящая богиня.

— И «Записки», и летописи хорошо показывают, что даже боги испытывают самые разные чувства. Боги вовсе не обязаны быть всемогущими. Иногда они страдают от душевных терзаний подобно людям, — разъяснил Когане.

— Ну-у, может, и так... — пробормотал Ёсихико.

Даже с учетом этого ему с трудом верилось в историю о муже, умудрявшемся изменять шести женам. И в историю о жене, разлюбившей его и сбежавшей из дома.

Хонока тем временем сидела сбоку от Ёсихико и слушала разговор с каменным лицом. Ее вид никак не давал понять, удивлена она или удручена. Ёсихико хотелось бы, чтобы и она поломала голову над свалившейся задачей, но не мог от нее чего-либо требовать.

— И вот, Сусерибимэ, удивительным образом именно сейчас твое имя появилось в молитвеннике. Действительно ли ты повстречала лакея случайно?

Когане уставился на Сусерибимэ. Та допила ароматное пиво и обольстительно улыбнулась.

— Высшие боги весьма добры, раз мое имя появилось в молитвеннике именно сейчас. Я действительно встретила с лакеем случайно, однако собиралась поселиться здесь в любом случае.

— Э? У меня дома? — рефлекторно переспросил Ёсихико.

Он видел Сусерибимэ впервые в жизни. Тем не менее, она знала не только его имя, но и адрес.

— Да. Оотоси-но-ками порекомендовал мне положиться на лакея, если что-то случится, — ответила женщина, открывая следующее пиво, и еще раз улыбнулась.

Ёсихико знал Оотоси-но-ками, поскольку выполнил его заказ незадолго до Нового Года, но что связывало его с Сусерибимэ?

— Вы знакомы с Оотоси-но-ками?

— Он мой сводный брат, у нас один отец.

— Ничего себе... — прошептал Ёсихико.

Видимо, слова “мир тесен” можно отнести не только к людям.

— Правда, я понимала, что поведу себя слишком нагло, вломившись без спроса. После долгой битвы с совестью я уснула сам знаешь где. Спасибо, что подобрал и привел сюда. Вчера я собиралась напиться, поэтому материализовала свое тело, и меня мог видеть кто угодно. Хорошо, что меня отыскал именно ты, а не кто-нибудь другой.

Сусерибимэ еще раз улыбнулась, и Ёсихико тоже выдал из себя натянутую улыбку.

— Значит, вы умеете становиться видимой...

Теперь ясно, как она пила чай в Гионе, сидела в баре, напивалась в Понто-тё и ела рамен в Тенъити.

— Конечно, умею, я же божество. Мы можем изменять каналы полей так, чтобы становиться видимыми, — Сусерибимэ уселась поудобнее и посмотрела на Ёсихико раскосыми глазами. — А вообще, раз мое имя теперь в молитвеннике, можно я уже сделаю свой заказ?

— Ну-у, можете, конечно...

Ёсихико смотрел на прекрасную улыбку Сусерибимэ и чувствовал, как по спине течет холодный пот, а в голове появляется нехорошее предчувствие.

— Раз так, то прошу тебя... — начала заказывать Сусерибимэ. — Заставь моего никчемного мужа раскаяться.

Ёсихико потерял дар речи. Лежавший рядом с ним молитвенник безжалостно вспыхнул, одобряя заказ.

Часть 2

— Окунинуси-но-ками и Сусерибимэ познакомились, когда Окунинуси-но-ками посещал Ненокатасу-но-куни — страну, которой правил Сусаноо-но-микото, отец Сусерибимэ.

На следующий день, в воскресенье, Ёсихико направился в библиотеку, открыл перед собой мангу, в доступной для детей форме разъясняющую события “Записок о деяниях древности”, и стал слушать лекцию Когане.

После разговора о причинах своего появления, Сусерибимэ вдруг захотела заказать пиццу, и ее просьба привела к спонтанной пицца-вечеринке. Разумеется, Когане с радостью принял в ней участие. Вскоре в холодильнике кончилось пиво, на что богиня ответила тем, что немедленно послала Ёсихико в магазин. Ближе к вечеру Хонока отправилась домой, но Сусерибимэ продолжила сидеть на ушах Ёсихико, по пути опустошая бутылки с вином и саке. Непонятно, как столько алкоголя вообще уместилось в ее изящном теле, но в конечном счете благодаря богине в доме Ёсихико бесследно исчезла вся еда.

— Они влюбились друг в друга с первого взгляда и практически сразу же решили пожениться. Сусаноо-но-микото пожелал испытать жениха, но Сусерибимэ помогла тому мудростью, и так Окунинуси-но-ками овладел не только ей, но и землей Идзумо.

— О-о...

Ёсихико сидел в читальном зале, боролся с головной болью и неспешно перелистывал страницы. Вчерашняя попойка продлилась до глубокой ночи, так что теперь он страдал от похмелья.

Когда Сусаноо-но-микото услышал от Сусерибимэ, что Окунинуси-но-ками хочет взять ее в жены, первым делом он приказал Окунинуси-но-ками переночевать в комнате, полной змей, однако Сусерибимэ подарила своему жениху оберег, который его защитил. Следом Сусаноо-но-микото наполнил комнату Окунинуси-но-ками сороконожками и пчелами, но оберег Сусерибимэ вновь сумел уберечь его.

Испытания на этом не закончились. Сусаноо-но-микото попросил сходить за улетевшей стрелой, но когда Окунинуси-но-ками вышел в поле, со всех сторон вспыхнуло пламя и едва не убило его. Позже Сусаноо-но-микото попросил Окунинуси-но-ками убрать со своей головы копошившихся сороконожек. Всякий раз мудрость Сусерибимэ помогала Окунинуси-но-ками справиться с испытаниями, и ничто не могло их остановить.

— Сусерибимэ весьма мудра и смекалиста. У нее несколько трудный и ревнивый характер, но Сусаноо-но-микото, несомненно, убил бы Окунинуси-но-ками, если бы не она.

Когане постучал лапой по изображению Сусерибимэ. Богиня из манги совсем не походила на настоящую, но тоже была красивой. Видимо, люди всегда воспринимали ее как красавицу.

— А мне она просто пьяницей показалась...

Ёсихико мог сказать о Сусерибимэ, что она много смеется, много ест и много пьет. Спасало лишь то, что от выпивки она становилась веселой и задорной. Она не падала духом, не заливалась слезами и не заставляла выслушивать жалобы на мужа, так что психика Ёсихико особо не пострадала. Ёсихико ушел в библиотеку еще до того, как Сусерибимэ проснулась, и пока не знал, страдают ли богини от похмелья.

— Однако на момент встречи с Сусерибимэ Окунинуси-но-ками уже был женат на Ягами-химэ. Более того, у них уже родились дети.

— Что?! — от неожиданности Ёсихико воскликнул так громко, что ему пришлось тут же зажать рот и оглядеться по сторонам.

Лис только что перечеркнул все эмоции от трогательной истории о любви, победившей смертельную опасность.

— Ягами-химэ оторопела, когда в один прекрасный день Окунинуси-но-ками пришел домой с Сусерибимэ под руку. Она испугалась ревлившей Сусерибимэ и сбежала без детей.

— Ничего себе... — пробормотал Ёсихико.

Выходит, семейные страсти существовали еще и во времена расцвета богов.

— Позднее Окунинуси-но-ками сделал предложение Нунакава-химэ и находил новых жен всякий раз, когда присоединял к владениям очередные территории. Разумеется, со временем у него становилось все больше потомков. В плодовитости ему почти нет равных.

Когане ловко пролистал том до самого конца, где приводилось генеалогическое древо богов. И действительно, в женах Окунинуси-но-ками числились целых шесть богинь, включая Сусерибимэ, а под ними приводилось множество имен потомков.

— Но если он даже сейчас продолжает изменять Сусерибимэ, выходит, он не о продолжении рода думал, а просто заядлым бабником был? Знаю, что не стоит так о богах выражаться, но все-таки.

Ёсихико вернул книгу на полку и собрался уходить. Библиотека выполнила свою задачу и пролила свет на отношения Окунинуси-но-ками и Сусерибимэ. Оставалось подумать над тем, как исполнить заказ богини.

— Время не меняет природу богов. Как Сусерибимэ сохранила тяжелый характер до сегодняшних дней, так и Окунинуси-но-ками, можно сказать, “неисправим”.

— О, ты его оправдываешь? Он что, твой друг? — спросил Ёсихико, спускаясь по лестнице.

— Вовсе нет, однако ты, как несведущий в богах, можешь ненароком решить, что великий Окунинуси-но-ками, основавший Японию, на самом деле думал лишь о женщинах. Меня, как бога, такое не устраивает, — пояснил Когане, взмахнув пушистым хвостом.

Ёсихико понимающе кивнул. Действительно, по отрывкам из «Записок» и жалобам Сусерибимэ впечатление могло сложиться не совсем верное.

— Но если Окунинуси-но-ками “неисправим”, то как же я должен заставить его раскаяться?..

Шел уже пятый час вечера. Выйдя из библиотеки, Ёсихико зевнул, а затем поморщился от неприятного ощущения в груди. Вчера он так напился, что сегодня чувствовал себя неважно. Подул холодный по мартовским меркам ветер. Ёсихико ссутулился и зашагал домой.

Вообще, он не мог даже представить, каким образом должен заставить раскаяться такого могущественного бога, как Окунинуси-но-ками, сам будучи далеко не величайшим из людей. Он надеялся как-либо переубедить Сусерибимэ и уговорить ее вернуться домой в Идзумо, но лекция пушистого профессора так и не дала никаких подсказок. Более того, теперь Ёсихико понял, что даже если уговорит Сусерибимэ уйти, она потом вновь сбежит от “неисправимого”

мужа.

— Возможно, им следовало бы пожить порознь, пока Сусерибимэ не умерит свой пыл... — пробормотал Когане, стоя рядом с Ёсихико у светофора. — Но мне очень не хочется вмешиваться в семейную ссору...

— Это точно... — тихо согласился Ёсихико, глядя на проезжавшие мимо машины.

Божественные заказы и ранее втягивали его в чужие ссоры, но настолько наглядных примеров еще не попадалось. Можно даже сказать, его попросили рассудить семейный конфликт.

— А... кстати, Окунинуси ведь лучший друг Сукунабиконы? — вспомнил Ёсихико о боге, обожавшем онсены. — Может, он что-нибудь толковое придумает? Он-то наверняка эту парочку куда лучше меня знает.

Или же стоило и вовсе самому отправиться в Идзумо и поговорить с Окунинуси-но-ками лично? Возможно, если он придет за Сусерибимэ, та успокоится и согласится уйти.

— Если хочешь — советуйся, но разве Сукунабикона не отправился в путешествие по супербаниям? Сможешь ли ты с ним не связаться, не зная, в каком уголке Японии он сейчас находится?

— ...Да, забыл уже, — буркнул Ёсихико.

В отличие от Хитокотонуси, успешно освоившего современные технологии, с путешественником на котобусе связаться будет не так-то просто.

— Ёсихико.

Загорелся зеленый, но не успел Ёсихико шагнуть на переход, как из-за спины раздался тихий голос.

— Хонока.

Ёсихико обернулся и без труда отыскал взглядом девушку, сильно выделявшуюся в толпе. Видимо, она тоже вышла погулять. Поверх повседневной одежды виднелся привычный голубой шарф, согревавший бледные щеки.

— Ты куда-то идешь?

— А, нет... а ты, Ёсихико?

— А я набрался знаний и домой иду. Читал «Записки о деяниях древности» в библиотеке, — ответил Ёсихико, пока они вместе шли по переходу.

Он не думал, что хоть раз в жизни еще зайдет в библиотеку, но жизнь распорядилась иначе.

— ...Что насчет Сусерибимэ? — тихо спросила Хонока, чтобы ее не услышали толпы туристов.

Поскольку Хонока — не лакей, Ёсихико провинился перед ней тем, что позволил увидеть и услышать столько всего лишнего.

— Когда я выходил из дома, она еще спала... Интересно, чем она сейчас занята?..

Либо вышла на прогулку, либо устроила очередной набег на пиво в холодильнике. Ёсихико понимал, что позже запасы пива придется восполнить, чтобы мать ничего не заметила.

— Я все время размышлял над тем, как бы выполнить заказ, но ничего в голову не лезет. Ну как я должен заставить его раскаяться?

Ёсихико вздохнул и пожал плечами. Впрочем, отказ думать грозил ему жизнью с богиней в одной комнате.

— А-а... — прошептала Хонока, затем крепко сжала кулачки и обратила взгляд ясных глаз к Ёсихико. — Может... мне помочь?

Парень резко повернул голову, удивленный предложением.

— Э?.. Помочь?

Если он не ослышался, девушка только что сказала именно это слово.

— Я не знаю, будет ли от меня толк, но... — продолжила было Хонока, но увидела, что перед ней встал мужчина, и прервалась.

Молодой мужчина стоял посреди движущейся толпы, но молчал и просто смотрел на Хоноку.

— ...Твой знакомый? — спросил Ёсихико

— Нет... — Хонока озадаченно покачала головой.

На вид мужчине было лет двадцать с чем-то, а в высоту он казался сантиметров ста

восьмидесяти. Выглядел он худощавым и не слишком опасным. Одет он был нехитро и по мартовским меркам довольно легко: в белую футболку с круглым воротником, белую же толстовку с капюшоном, джинсы и кроссовки. Небрежно расчесанные короткие волосы, красивые глаза и тонкие губы казались до того изящными, что лицо мужчины так и просилось в телевизор или на обложку журнала.

— Вам что-то нужно? — решил спросить Ёсихико.

Все это время мужчина стоял совершенно неподвижно, не отрывал глаз от Хоноки и казался несколько напряженным, чем вызывал подозрения. Однако когда Ёсихико уже собирался шагнуть между ним и Хонокой, мужчина вдруг взял девушку за руки и сказал:

— Выходите за меня.

Пожалуй, никогда еще слово “оторопел” не казалось настолько уместным для описания чувств Ёсихико.

И он, и Хонока замерли на месте, не понимая происходящего, но тут Когане pokrивился и качнул хвостом.

— Прошу прощения, если обознался... — лис сделал небольшую паузу и посмотрел на неожиданно объявившегося мужчину, — но вы случайно не Окунинуси-но-ками?..

— Этикет ведь предписывает звать замуж прекрасных дам? — с самым честным взглядом спросил Окунинуси-но-ками, попивая кофе в забегаловке у станции. — Я не проявлял свое тело и полагал, что люди меня не заметят. Несомненно, сама судьба свела меня со столь прекрасной небесноглазой.

Бог снова попытался взять Хоноку за руки, но та ловко увернулась. Ёсихико удрученно посмотрел на Окунинуси-но-ками, ухватившегося за пустоту, и мрачно заметил:

— Вот не будь ты богом, это называлось бы домогательством.

Когане все это время глядел в окно и упрямо сидел к ним спиной. Отчасти Ёсихико понимал его — лис так старался уберечь бога от клейма заядлого бабника, а Окунинуси-но-ками вдруг появился лично и все испортил.

— Досадно слышать. Я лишь говорил и вел себя в соответствии со своими мыслями, — ответил Окунинуси-но-ками с незатуманенным взглядом.

Ёсихико прижал пальцы к виску.

— Я пытаюсь сказать, что нельзя так себя вести! Ты вообще понимаешь, до чего жену свою довел?

В сердцах Ёсихико высказался громче, чем собирался, поймал на себе взгляды окружающих и для виду прокашлялся. Остальные люди видели его, но не Окунинуси-но-ками. И кстати, Ёсихико еще не успел смириться с тем, что повелитель Идзумо напоминал ему заурядного безобидного паренька. После рассказов Сукунабикона-но-ками он уже успел нарисовать в голове значительно более торжественный образ крепкого, могучего бога.

— Я не первый раз встречаю лакея, и все они разговаривали с богами гораздо почтительнее. Ты же, как я вижу, рубишь с плеча и не стесняешься, — Окунинуси-но-ками внимательно глядел на Ёсихико, держа в руке кофе. — Впрочем, такие люди мне тоже по душе. Хотя мой дворецкий наверняка бы в обморок от такого упал.

Ёсихико сомневался, действительно ли перед ним великий Окунинуси из Идзумо, и продолжал недоверчиво сверлить взглядом парня, вальяжно попивавшего кофе. И одежда, и прическа, и повадки — все говорило о том, что он прекрасно умел жить среди людей.

— ...Честно, мне не очень важно, нравлюсь я тебе или нет. Сейчас я работаю не на тебя, а на Сусерибимэ, — проворчал Ёсихико.

Окунинуси-но-ками в ответ слегка поморщился.

— Я понимаю. Более того, я сам прибыл сюда в погоне за Сусери. Вообще, я не очень люблю приходить в Киото, поскольку тут обитает Сусаноо-но-микото, но ради Сусери готов на все, — Окунинуси-но-ками откинулся на спину дешевого дивана и вздохнул.

— Я правильно помню, что Сусаноо-но-микото — отец Сусерибимэ? — уточнил Ёсихико, прокручивая в голове слова Когане.

В этом случае получается, что он приходится Окунинуси-но-ками тестем... Который пытался не допустить свадьбу Сусерибимэ с помощью змей, сороконожек и попытки сжечь жениха заживо.

— Да. Жуткий дядька. Живет вроде бы в храме Ясака. Если узнает, что Сусерибимэ сбежала, в этот раз точно не погнушается меня прикончить, — нервно пояснил Окунинуси-но-ками.

— И кто в этом, интересно, виноват? — съязвил Ёсихико в следующую же секунду.

Хонока тоже посмотрела на Окунинуси-но-ками так, словно полностью соглашалась с Ёсихико.

Поймав на себе два укоризненных взгляда, Окунинуси-но-ками вздохнул, принял серьезный вид и посмотрел на Ёсихико.

— Мне кажется, мы неправильно друг друга понимаем.

— Что не так мы понимаем в том, что ты сделал предложение служанке, а Сусерибимэ застучала тебя и сбежала?

Впрочем, если Окунинуси-но-ками действительно сможет все опровергнуть, всем будет гораздо проще.

Бог отвел взгляд и снова приложился к кофе.

— ...Такое случается постоянно... Можно сказать, это мое приветствие...

— ...Приветствие? — язвительно переспросил Ёсихико, вспоминая, как бог позвал Хоноку замуж прямо на улице. — Не потому ли она тебя разлюбила, что твои приветствия слишком далеко заходят?

Ёсихико подпер рукой подбородок и глянул в окно поверх пушистого затылка Когане. На улице уже стемнело. Свет автомобильных фар бил прямо в глаза.

— Но мы познакомились тысячи лет назад, и я вел себя так постоянно, — Окунинуси-но-ками вытянул ноги и вздохнул. — Конечно, Сусерибимэ вспыльчива, но ее не сломило то, что у меня есть и пять других жен. Я не могу поверить, что после всего случившегося она сбежала просто от того, что я поприветствовал кого-то в своей манере.

Окунинуси-но-ками сложил руки на груди, и тут Когане мельком глянул в его сторону.

— Может, виной всему потеря сил? — видимо, лис, который до того сидел подобно чучелу, более-менее оправился от потрясения. Его зеленые глаза смотрели прямо на собеседника Ёсихико. — Окунинуси-но-ками знаменит, но среди современных людей осталось мало тех, кто вспоминает в молитвах о его женах. Когда душа, в прошлом полнившаяся божественным величием, тускнеет, она начинает распарываться.

Ёсихико вспомнил богов, которых встречал до сих пор. Потеряв силу, они изменились внешне, утратили часть воспоминаний, не могли толком заниматься тем, что в расцвете сил давалось им легко, а также полагали, что ничего не могут с этим поделать. Наверняка все это касалось и Сусерибимэ.

— Так значит, настоящая причина бегства Сусерибимэ — нехватка почтения со стороны людей?.. — мрачно проговорил Ёсихико.

От мысли, что бог сбежал из дома из-за людей, ему сразу стало тяжело на душе.

— Вот как... Значит, если мы разведемся, виноваты будут люди... — пробормотал Окунинуси-но-ками, быстро успокоившись.

— Эй, это не единственная причина! Если бы ты не изменял ей направо и налево, она не стала бы ревновать!

— А ведь нас почитали как символ счастливых отношений... люди уже не те, — Окунинуси-но-ками картинно приложил руку ко лбу.

— Не делай вид, что ни в чем не виноват! — сквозь зубы бросил Ёсихико.

До того, как стать лакеем, он нисколько не интересовался богами, поэтому испытывал сложные чувства, когда теперь ему раз за разом жаловались на то, что боги слабеют из-за людей. Он не мог в одиночку изменить мышление всех японцев. Чем же в таком случае он мог помочь Сусерибимэ? Впрочем, невозможным этот заказ показался ему еще тогда, когда она потребовала заставить Окунинуси-но-ками раскаяться.

— Вы уже... встречались с Сусерибимэ? — спросила Хонока, медленно поставив на стол чашку чая с молоком.

— Нет. Еще нет. Я слышал от Оотоси-но-ками, что она наверняка пошла к лакею, поэтому отправился искать лакея. Заодно подумал расспросить его о том, что произошло, — ответил Окунинуси-но-ками, повернувшись к Хоноке, и обольстительно улыбнулся ей. Поразительно, как резко менялись его манеры, если собеседником становилась девушка.

— Ну так спросил бы, а то тратишь время на то, чтобы в считанные секунды после встречи звать всех подряд замуж.

И кстати, почему бог не мог своими силами отыскать собственную жену? Ёсихико окинул Окунинуси-но-ками подозрительным взглядом, но тот ответил без тени смущения:

— Я случайно. Просто на глаза красавица попалась.

— Врешь ведь, что “случайно”!

Неужели этот бог и в самом деле самый обычный бабник?

Окунинуси-но-ками пропустил возглас Ёсихико мимо ушей, мягко взял Хоноку за руки и посмотрел ей в глаза:

— Я так рад, что мне удалось встретиться с лакеем.

— Эй! Лакей здесь я.

— Пожалуйста, проводите меня к ней.

— Ты меня вообще слушаешь?

С какой стати он обращался к лакею, не глядя на Ёсихико?

Неприятно удивленная Хонока освободила свои руки и спрятала их под стол. Лишь после этого Окунинуси-но-ками соизволил посмотреть на Ёсихико.

— Итак, в котором дворце остановилась моя супруга?

— У меня дома, — без промедления ответил Ёсихико.

С самого рождения он не имел никакого отношения к зданиям, которые принято называть “дворцами”.

— Э-э... в твоём доме?..

— Да. Она заночевала у меня в комнате.

— В твоей... комнате?

Сначала Окунинуси-но-ками ошарашенно вытаращил глаза. Потом бездумно уставился в потолок. Потом свесил голову. Потом закрыл лицо одной рукой, улыбнулся и начал содрогаться. Ёсихико вдруг ощутил на лице дуновение жаркого ветерка, почуял неладное и посмотрел на бога. Он увидел, что тело Окунинуси-но-ками источает серебристую плазму, брызгами разлетающуюся во все стороны.

— Я должен... кое-что спросить... — медленно проговорил Окунинуси-но-ками, не убирая ладони от лица.

В следующее мгновение он вдруг встал и схватил Ёсихико за грудки.

— Ты ведь не прикасался к моей жене, да-а-а-а?!

Окутавшая Окунинуси-но-ками плазма расплескалась и окутала Ёсихико с громоподобным звуком. Столкнувшись с чудовищным давлением, лакей воскликнул:

— Не прикасался! Мне бы духа не хватило прикоснуться! И вообще, уж кто-кто, а ты бы лучше промолчал!

Пока божественный покровитель Идзумо ругался с лакеем, одобренным высшими богами, Хонока снова взяла в руку чашку с чаем и повернулась к Когане.

— Боги все такие?..

Когане к тому времени вновь уставился в окно, словно надеясь сбежать от реальности. Когда он слышал вопрос, его уши дернулись.

— Быть такого не может... Не может... надеюсь... — протянул лис. В его голосе слышались нотки безнадежности.

Часть 3

Покинув забегаловку, вся компания направилась напрямик домой к Ёсихико. Там Окунинуси-но-ками встретился лицом к лицу с Сусерибимэ, которая, конечно же, вновь успела опустошить запасы пива. Правда, едва увидев мужа, женщина заперлась в комнате и на все слова отвечала одним только “проваливай”.

— Прости, что испортил тебе настроение, Сусери. Прошу, возвращайся со мной в Идзумо. Там мы снова заживем душа в душу, — уговаривал ее Окунинуси-но-ками, стоя у двери комнаты Ёсихико. — Не запирай себя в этой лачуге...

— Ну прости, что в лачуге живу, — огрызнулся Ёсихико, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. — По людским меркам это вполне обычный дом. Нечего сравнивать его с великим храмом Идзумо.

— Я помню время, когда наш храм был выше великого монастыря Нары. А потом люди решили все переделать и отобрали у храма великую лестницу. Вот негодяи, хоть бы нас спросили.

— Да плевать мне! И вообще, сделай с ней хоть что-нибудь!

Ёсихико не хотел слушать жалобы на реконструкцию храма. Его больше волновало то, что он не мог попасть к себе в комнату из-за обиды Сусерибимэ.

Чуть было не отвлекшийся Окунинуси-но-ками снова повернулся к двери.

— Сусери... до сих пор мы отлично ладили друг с другом. Почему же сейчас ты так злишься?

В ответ с другой стороны двери послышалось раздраженное:

— Внутри себя ответ поискать не хочешь, а?

Сусерибимэ процедила эти слова так озлобленно, что Ёсихико бросил на Окунинуси-но-ками мрачный взгляд. Он уже догадывался, что если оставит богов спорить друг с другом, кризис в отношениях не только не разрешится, но и усугубится.

— Неужели Сусери злится за тот случай?..

Окунинуси-но-ками прислушался к ее словам, положил руку на сердце, склонил голову и, наконец, сознался:

— Я всегда считал, что она не знает... о том, что когда мы с Котосиронуси [□]Котосиронуси-но-ками - синтоистский бог-оракул, ведающий толкованиями воли богов или, вообще, словами. ходили наблюдать за людьми, на самом деле мы шли напрямиком в кабаре...

Хонока сочувственно посмотрела на Когане, в очередной раз пытавшегося сбежать от реальности.

— Или за тот раз, когда я пошел знакомиться со студентками?..

Ёсихико приложил пальцы к вискам — ему казалось, что голова его болит сильнее с каждой секундой. Он начал понимать, почему Окунинуси-но-ками показался ему таким привыкшим к человеческой жизни.

— А, или она увидела то письмо, которое отправила стриптизерша?..

Стоило Окунинуси-но-ками договорить, как дверь вдруг распахнулась, а уже в следующее мгновение сквозь проем с неподвластной глазу скоростью протянулась нога Сусерибимэ и ударила богу точно в живот.

— Мерзавец! Неужели ты до сих пор не наигрался с девушками?!

Окунинуси-но-ками пролетел через весь коридор, проскользил мимо ног Хоноки и кубарем покатился по лестнице.

— Сам себе... яму вырыл... — прошептал Ёсихико.

Может, Окунинуси-но-ками и заслужил этот пинок — прямо сейчас он явно наговорил лишнего.

— Не будь я богом, помер бы, наверное... — простонал Окунинуси-но-ками, остановившийся в неестественной позе после удара о стену.

Может, он и чувствовал боль, но говорил довольно спокойно. Видимо, человеческий облик не мешал богу быть гораздо крепче людей.

— Сусерибимэ унаследовала немалую часть характера своего отца, главного нарушителя спокойствия божественного мира, синего бога Сусаноо-но-микото. Могу заверить, что ее нрав столь же свиреп, — тихо произнес Когане, сидевший у ног Ёсихико.

Ёсихико и раньше смутно догадывался о том, что эта женщина не из терпеливых и безропотных, но после увиденного пинка ему хотелось извиняться перед ней уже за то, что он посмел взглянуть на нее. Теперь он понимал, почему Когане так поморщился, увидев ее имя в молитвеннике.

— Прямо сейчас я жду, пока лакей исполнит мой заказ. Пока он не закрыт, я в Идзумо не вернусь! — воскликнула Сусерибимэ и оглушительно хлопнула дверью.

Ёсихико поежился от звука, затем неуверенно подошел к Окунинуси-но-ками, все еще лежавшему под лестницей вверх ногами.

— ...Вот надо было тебе ее злить?

Ёсихико помог богу подняться и глубоко вздохнул. Окунинуси-но-ками не только не смог убедить ее, но и вынудил пойти на принцип.

— Ничего другого в голову не пришло... — со вздохом ответил Окунинуси-но-ками, поглаживая болевшую от удара голову.

Может, он и не был плохим парнем, но его беззаботность играла роль ложки дегтя.

— Она попросила меня заставить тебя раскаяться. Ты готов пойти на это? — спросил Ёсихико, прислоняясь к стене.

Он уже догадывался, что это невозможно.

Окунинуси-но-ками посмотрел на Ёсихико ясным, не таящим ни капли злобы взглядом:

— Если придумаешь, как это сделать, расскажи.

— Так я и думал.

Ёсихико обхватил голову. Любвеобильность Окунинуси-но-ками проистекала из его “сути”, из стремления оставить после себя как можно больше потомков. Заставить его раскаяться в этом не проще, чем изменить историю.

— ...Я немного не понимаю, — проговорила озадаченная Хонока, спускаясь вместе с Когане по лестнице. — Сусерибимэ должна понимать Окунинуси-но-ками... лучше, чем кто-либо иной.

Ёсихико поднял взгляд. Если подумать, Хонока сказала правду. Будучи главной из жен Окунинуси-но-ками, Сусерибимэ не могла не знать о неизменной природе своего мужа. Наверняка она уже не раз пробовала заставить его раскаяться.

— ...Тогда почему она попросила меня?..

Окунинуси-но-ками посмотрел на Ёсихико так, словно и сам впервые обратил на это внимание. Не будет преувеличением сказать, что Сусерибимэ с самого начала оставила лакею заказ, исполнить который невозможно в принципе.

— ...Мне доводилось исполнять приказы, которые я считал невозможными, — заметил Окунинуси-но-ками, усаживаясь на пол.

— Ты сейчас о том, как тебя гонял Сусаноо-но-микото? — уточнил Ёсихико.

Окунинуси-но-ками кивнул. Божественный тесть дошел даже до того, что пытался убить его.

— В тот раз я справился благодаря тому, что Сусерибимэ проявила милость, но на самом деле мне кажется, что в первую очередь ее отец хотел посмотреть, как я поступлю, — продолжил Окунинуси-но-ками, вспоминая события, случившиеся тысячи лет назад. — Как справится с угрозой мужчина, просящий руки драгоценной дочери? Готов ли он пожертвовать жизнью ради любимой? Он испытывал меня.

— Испытывал... — пробормотал Ёсихико, складывая руки на груди.

Неужели теперь Сусерибимэ испытывала его? Неужели хотела посмотреть, как поступит лакей, столкнувшись с невыполнимым заказом? Не сходилась в этой догадке лишь то, что богиня не имела никаких причин проверять решимость Ёсихико.

— Я бы еще понял, если бы она испытывала тебя, но с какой стати меня ко всему этому приплели?

Если Сусерибимэ хотела проверить чувства неверного мужа, никто не мешал ей портить кровь ему одному. Но пока Ёсихико и Окунинуси-но-ками раздумывали о капризах судьбы лакея, вдруг вновь заговорила Хонока:

— ...Потому что ты человек.

Ёсихико и Окунинуси-но-ками одновременно подняли взгляды и посмотрели на обладательницу тихого голоса.

— Наверняка потому, что ты человек, Ёсихико... — повторила Хонока с непроницаемым выражением лица.

— Потому что я человек?.. — пробормотал Ёсихико, нахмурившись.

Ему вспомнились слова Когане:

“Когда душа, полнившаяся божественным величием, тускнеет, она начинает распарываться”.

— Так вот оно что... не потому что я лакей, а потому что человек?..

Ёсихико сумел краем глаза заглянуть в чувства Сусерибимэ и осознал тупую боль, которую она все это время прятала.

“Потому что ты дочь Сусаноо-но-микото, одного из трех детей Идзанаги-но-ками”.

С самого детства она постоянно слышала эти слова.

Благодаря им она научилась гордиться доставшейся от отца непреклонностью и редкими даже по меркам богов-мужчин силой воли и ростом, но...

Она единственная среди химегами могла встать перед мужем и бросить вызов опасности своими силами. Другие боги выбирали в жены хрупких, добрых, скромных богинь.

К тому же ее муж, Окунинуси-но-ками, не ограничился строительством страны и уходом за ней. Он изо всех сил стремился распространить свою кровь, чтобы все больше людей жило на новой земле. Для этого ему пришлось обзавестись множеством жен во всех уголках Японии.

А ей, как главной жене, поддержке и опоре, приходилось терпеть и снисходительно смотреть на всё это.

“О Ятихоко, о Окунинуси-но-ками. О мои дорогие люди. Всех вас хочу спросить я”.

Однажды она почувствовала, что из глубин души наружу начал рваться вопрос.

До того ей удавалось терпеть, но чем больше сил она теряла, тем яснее вопрос звучал в ее голове. Она старалась держать себя в руках, несмотря ни на что, но ее душа начала крошиться. И то же происходило с ее верой в себя.

И все равно она считала, что не могла задать вопрос в силу своей природы.

Что бесстрашная Сусерибимэ, развеселая любительница выпивки, не должна о таком спрашивать.

Поэтому каждый раз она проглатывала вопрос, и чувство одиночества наваливалось на нее с новой силой.

“О Ятихоко, о Окунинуси-но-ками. О мои дорогие люди...”

Настал день, и Сусерибимэ начала ощущать горечь слез каждый раз, когда проглатывала вопрос.

— Что вам понадобилось от меня, что вы привели меня сюда?

Решив, что двум женщинам договориться будет проще, на переговоры с Сусерибимэ отправили Хоноку. Девушке удалось каким-то образом убедить ее выбраться из дома. Длинные волосы богини покачнулись под порывом мартовского ветра.

— Ох, ты еще здесь? — устало обронила Сусерибимэ, заметив Окунинуси-но-ками, притаившегося за спиной Ёсихико. — Я же сказала тебе возвращаться.

— Как я могу вернуться без своей жены? — сразу же отозвался Окунинуси-но-ками.

Пускай ничто не могло избавить его от любвеобильности, он прибыл в Киото, не убоившись нелюбимого тестя, и с негодованием воспринял новость о том, что Сусерибимэ поселилась дома у Ёсихико. Многие слова, включая эти, он произносил искренне, и хотя бы за это заслуживал уважения.

— Мы подумали, тебе не стоит постоянно торчать в четырех стенах. Почему бы не полюбоваться вечерним небом, раз уж мы в Киото?

Ёсихико привел Сусерибимэ в небольшой парк на склоне горы Онуси, где располагался в том числе храм Онуси. С площадки на западной стороне парка открывался отличный вид на улицы Киото. Шел восьмой час, сквозь прозрачный воздух прекрасно просматривались яркие пейзажи.

— Я редко вижу город вечером... но да, выглядит он неплохо, — Сусерибимэ окинула взглядом городские улицы.

Она все еще не расставалась с толстовкой Ёсихико, под которую надела свитер. Даже несмотря на небрежный выбор одежды, спину она держала ровно и выглядела прекрасно.

— Разумеется, все огни, которые ты видишь, зажгли люди, — Ёсихико поравнялся с Сусерибимэ и указал на всевозможные огоньки, которые и образовывали пейзаж. — Дома, высотные здания, магазины, фонари, иллюминация храмов... Под каждым из этих огней множество людей.

— Это да. Люди создали цивилизацию, и она сильно изменила Японию.

Хонока стояла чуть в сторонке и обеспокоенно смотрела на них. Ёсихико мысленно

поблагодарил ее за сочувствие и продолжил:

— Но из-за нее же люди начали постепенно забывать, как ухаживать за богами. Я бы и сам не знал, что люди и боги должны поддерживать друг друга, если бы не стал лакеем. И не догадывался бы, что боги теряют силу как раз из-за людей.

Возможно, каждый новый огонек на улице выгонял из дома еще одного бога.

— Ты знаешь, я не уверен, что слова одного человека многое изменят. Тем не менее, как человек, я обязан... — начал Ёсихико, уже догадавшийся, чего на самом деле хотела Сусерибимэ.

Однако та быстро перебила его:

— Ёсихико. Мне не нужны извинения людей, — после небольшой паузы она продолжила чуть увереннее: — Да, людей, которые помнят обо мне, осталось немного, и потому душа моя стала слабее, чем в давние времена. Теперь я больше печалюсь от того, что раньше спокойно терпела. Я была счастлива вместе с Окунинуси-но-ками, но нынче задаюсь вопросом, можно ли назвать это счастье настоящим.

Ее сомнения дошли до того, что теперь она не знала, стоило ли разрешать другим женам Окунинуси-но-ками рожать от него детей.

— Но это не значит, что я обвиняю людей.

С тем, что мир меняется, ничего поделать нельзя. Боги — сами часть мира, и послушно исчезнут из него, если люди того желают.

Сусерибимэ ждала, что Ёсихико согласится, но тот печально улыбнулся.

— Ты, Сусерибимэ, сильная и умная, но в таких вещах ужасно неловкая, — заявил он прекрасной богине, на лице которой отразилась сложная гамма чувств. — Зачем же ты тогда пришла ко мне?

Холодный ветерок подул сильнее.

— Ты ведь хотела испытать меня, человека, не так ли? Хотела посмотреть, как я поступлю, получив заказ, который невозможно выполнить? Ты не могла просто взять какого-нибудь прохожего, так что выбрала лакея, лучший из возможных вариантов.

Сусерибимэ отвела взгляд — видимо, Ёсихико угодил в яблочко.

— Ты могла не придумывать всякую чепуху, а рассказать мне обо всем честно. О том, как тебе тяжело, печально и беспокойно. Правда, я лишь бессильный человек, так что не знаю, чем смог бы тебе помочь, но...

С самого начала ее волновало не то, выполнит ли Ёсихико ее заказ, а то, как он поступит ради нее.

Могло показаться, что богиня капризничает, но у нее уже не было выбора. Возможно, она просто прибегла к последнему, что ей оставалось.

У Окунинуси-но-ками были другие жены помимо нее.

Ей пришлось смириться с тем, что те жены родили ему детей.

Будучи гордой богиней, она ни с кем не могла поделиться своими мыслями, но хотела, чтобы ее поняли.

Теряя силу, она начала чувствовать, что ее сущность блекнет. Поэтому она стала сомневаться во всем, что позволяла мужу.

Она хотела быть уверенной хоть в чем-то, что помогло бы ей связать себя воедино.

Она хотела вновь поверить в себя.

Она хотела услышать ответ на вопрос, который никак не мог покинуть ее горло.

— Знаешь, я пробыл лакеем всего полгода, но уже считаю, что должен кое-что сказать богам, ведь именно из-за людей им стало так неудобно жить.

Ёсихико вновь посмотрел на вечерний город и вздохнул. Он жил с этой мыслью почти все время с тех пор, как стал лакеем. Сусерибимэ посмотрела на его профиль и попыталась возразить:

— Ёсихико, я...

— Увидев этот пейзаж, я понял, что тебе все-таки скажу, Сусерибимэ. В мире так много людей, но вряд ли кто-то другой сможет сказать эти слова, глядя тебе в глаза.

— Нет, Ёсихико, я хочу услышать не... — торопливо вставила Сусерибимэ.

Ей не хотелось ни извинений, ни раскаяния.

Она хотела, чтобы такие дорогие ей люди не просили у нее прощения, а...

— Спасибо.

Сусерибимэ вытаращила глаза, застигнутая врасплох.

— Спасибо, Сусерибимэ.

Не меньше нее удивились и обвивший хвост вокруг лап Когане, и Окунинуси-но-ками, и Хонока.

— Я ведь говорил, что под этими огнями живет множество людей? — Ёсихико вновь обратил внимание застывшей от недоумения Сусерибимэ на вечерний пейзаж. — И не только под ними. Если взять всю Японию, наберется сто... э-э, двадцать миллионов?

После небольшой запинки, вызванной копанием в памяти, Ёсихико продолжил:

— Если бы ты не спасла Окунинуси-но-ками, Сусаноо-но-микото наверняка прикончил бы его. Тогда он не смог бы основать страну. У других его жен появились дети лишь потому, что ты разрешила ему. Без этого людей не стало бы так много. Наверняка и меня бы здесь не стояло.

Если в прошлом хоть что-то пошло бы не так, все не сложилось бы таким образом. Знакомству с семьей и друзьями Ёсихико был обязан именно ей.

— Кто бы что ни говорил, ты — мать всех японцев.

“О Ятихоко, о Окунинуси-но-ками. О мои дорогие люди”.

— И я совсем не против такой матери — ревливой и негибавшей любительницы выпить с раненой душой.

Она так и не смогла озвучить вопрос.

Но получила ответ на слова, комом застрявшие в горле.

“Любите ли вы меня?”

Из широко раскрытых глаз Сусерибимэ беззвучно покатались слезы. По щекам потерявшей веру в себя жены и матери бежали прозрачные капли и падали на землю.

— Все-таки мне кажется, что заставить Окунинуси-но-ками раскаяться не получится. Сама посмотри — даже сейчас он остается самим собой, каким жил изначально. Он изменится, разве что если вера людей в него иссякнет, — зловеще предрек Ёсихико и обыскал карманы в поисках какого-нибудь платка.

Поиски успехом не увенчались, так что он протянул руку, собираясь предложить плачущей богине рукав. Сбоку со скоростью света появилась рука Окунинуси-но-ками и остановила Ёсихико, обронив еще немного плазмы.

— Ч-чего?

Ёсихико повернулся. Окунинуси-но-ками смотрел на него жутким взглядом и весь искрился.

— Что за “чего”?.. — окутанная серебристой плазмой рука схватила Ёсихико за ворот. — Давай-ка ты не будешь трогать мою жену?!

— Я просто пытался вытереть слезы матери!

Неужели он никак не мог войти в положение? Пока Ёсихико и Окунинуси-но-ками хватали друг друга за одежду, Хонока успела подать Сусерибимэ свой платок.

— ...Он и в прошлый раз так возмутился, — тихо проговорила Хонока все еще ошеломленной и не могущей справиться со слезами Сусерибимэ. — Окунинуси-но-ками очень сильно любит вас.

Сусерибимэ взяла в руки платок и посмотрела на Окунинуси-но-ками, который уже успел столкнуться лбами с Ёсихико и грозил устроить спонтанное сумо. Сусерибимэ разуверилась в его любви, и именно поэтому сбежала из храма. Она испытывала не только людей. В глубине души она гадала, как поступит муж, когда не обнаружит ее рядом с собой.

Богиня мягко выдохнула и чуть расслабила поджатые губы. Ее плечи слегка задрожали.

Наконец, в сумерках раздался обольстительный смех, сорвавшийся с красивых губ.

Смех Сусерибимэ словно дирижировал звездным небом. Хонока пораженно смотрела на богиню — девушке еще не приходилось слышать такого мелодичного голоса, с которым не сравнится никакой инструмент и никакая песня. И даже Ёсихико, хоть и слышал его раньше, невольно расслабил руки и заулыбался.

Ведь этой богине счастливый смех шел куда лучше слез.

— Какая же я дура, — прошептала Сусерибимэ, уняв, наконец, смех, и вытерев глаза платком.
— Прости меня, Ёсихико... Прости меня, дорогой.

Ей не нужно было испытывать их. Наверняка они и без того протянули бы руки помощи потерявшейся богине.

И сказали бы, что любят ее.

Окунинуси-но-ками оттолкнул от себя Ёсихико и бросился к Сусерибимэ.

— Сусери! Многие химегами ко мне ласковы, но только тебе удастся бранить меня, — он взял Сусерибимэ за руку и нежно заглянул в ее глаза.

— Ох, и неудачный же жребий мне выпал. Я единственная женщина, которую ты ненавидишь?
— Сусерибимэ картинно надулась. Уголки ее глаз до сих пор не успели просохнуть.

— Тогда позволь я перефразирую, — раздумывая, Окунинуси-но-ками чуть забежал взглядом, затем объявил: — Сусерибимэ! Ты не просто одна из моих жен.

Он обнял мягкое тело богини, вместе с которой пережил столько невзгод.

— Для меня ты — единственная и неповторимая принцесса.

У Ёсихико эта сцена вызывала одновременно и улыбку, и зуд. Ему показалось, что именно благодаря таким наигранным фразам у Окунинуси-но-ками нет отбоя от женщин.

Сусерибимэ натянуто улыбнулась и обхватила шею мужа как в те далекие времена, когда не дала ему сбежать из дома при помощи песни.

— ...Давай возвращаться домой.

На границе городского пейзажа и неба мигнуло несколько звезд.

— Тебе нужно как следует уяснить из всего этого: забвение ритуалов в честь богов тревожит даже жену Окунинуси-но-ками, — произнес зеленоглазый лис.

Когда Окунинуси-но-ками и Сусерибимэ отправились в Идзумо, Ёсихико пошел провожать Хоноку.

— Ну-у, на самом деле меня больше поразило, что Окунинуси-но-ками и Сусерибимэ оказались такими колоритными личностями. Они меня так вымотали...

Сусерибимэ оставила в его молитвеннике печать в виде двух чашечек для сакэ. Рядом отметился и Окунинуси-но-ками печатью, похожей на меч героя.

— Чтобы восстановить доброе имя богов, замечу, что это не обычный их облик. Во времена, когда людей наполняли молитвы и благодарность, а богов — сила, в их сияющих обликах сливались достоинство, благородство и изысканность...

— Да-да, я понял.

— Опять ты меня не...

Хонока какое-то время наблюдала за разговором бога и человека, а затем вдруг остановилась.

— Что же... отсюда я и сама... — сказала она и повернулась к Ёсихико. — Спасибо, что проводил.

— Что ты, мне совсем нетрудно. В конце концов, ты и в этот раз много чем помогла мне, — вновь поблагодарил ее Ёсихико.

Он до сих пор не знал, можно ли считать их встречу подарком судьбы, однако сам он чувствовал себя увереннее рядом с небесноглазой девушкой, которая, как и он, могла видеть богов.

Хонока несколько неуверенно отвела взгляд, поклонилась и развернулась в сторону дороги домой.

— А, Хонока! — бросил Ёсихико вслед покачнувшимся волосам. Он вспомнил, что забыл одну очень важную вещь. — Ты уже решила, когда пойдешь? В выходные от работы у меня куча свободного времени.

Хонока развернулась и недоуменно склонила голову.

— Я про клубнику. Ты ведь хотела отнести ее Накисавамэ?

Не она ли говорила о том, что хочет подарить спелые символы весны богине-плаксе?

— Я тоже ее навестить хочу, так что ходим вместе, — продолжил Ёсихико, спохватился и добавил: — А, ну, если ты, конечно, не против...

Хонока привычно вяло отреагировала на слова Ёсихико и лишь внимательно вгляделась в него. Тот подумал, что мог сказать лишнего.

В конце концов, неподвижно стоявшая Хонока глубоко вдохнула, медленно выдохнула и чуть улыбнулась.

— Уверена, Савамэ будет рада...

Так Ёсихико впервые увидел, как она улыбается.

Когане устало вздохнул и посмотрел на ночное небо, мечтая о победе весны над холодным ветром.